

Артемов Евгений Тимофеевич
д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: ia-history@mail.ru

От Сталина к Хрущеву: предпосылки изменения приоритетов в экономической политике

УДК 94(470)

Доклад посвящен анализу предпосылок реформаторских инициатив послесталинского руководства в экономической сфере. Особое внимание уделяется роли военно-стратегического фактора в изменении приоритетов экономической политики. Отмечается, что предпринятые меры предусматривали придание экономике большей социальной направленности. Однако эта проблема не имела решения в рамках «социалистической системы хозяйствования».

Ключевые слова: экономическая политика, сталинская экономика, военно-стратегические приоритеты, атомный проект, новый экономический курс

Экономические преобразования, последовавшие за смертью И. В. Сталина, оказали огромное влияние на советское общество. Не случайно, в современной историографии им уделяется такое большое внимание. Тем не менее, есть ряд аспектов, нуждающихся в прояснении. В частности, несмотря на солидный историографический задел, отсутствует системное представление о побудительных причинах послесталинских новаций в экономической политике [1–9]. Это затрудняет как понимание замысла хрущевских преобразований, так и оценку их результативности. Сказанное объясняет выбор темы настоящего доклада. Он посвящен анализу предпосылок реформаторских инициатив послесталинского руководства, оформившихся в новый экономический курс.

Разумеется, между экономической политикой позднесталинского времени и так называемым хрущевским периодом наблюдалась высокая степень преемственности. Это объясняется неизменностью системообразующих основ устройства советского общества. Да и персональный состав правящей элиты, несмотря на все перестановки в верхнем эшелоне власти, остался прежним. Отсюда — принципиальное тождество экономической стратегии сталинского и послесталинского руководства. И для тех, и для других форсированное наращивание производственного

потенциала и упрочение геополитических позиций российской государственности были «столбовой дорогой» в «светлое будущее». Практическая реализация такого курса в первые послевоенные годы казалось оправдала все ожидания. Уже к концу четвертой пятилетки удалось заметно превзойти довоенный уровень промышленного производства. Одновременно наблюдались положительные сдвиги в его отраслевой структуре и техническом уровне. Удалось стабилизировать бюджетно-финансовую систему, совершенно расстроенную в годы войны. Ключевую роль здесь сыграла реформа оптовых цен на промышленную продукцию и транспортные тарифы. Ее проведение позволило отказаться от дотирования предприятий тяжелой промышленности. Это мотивировало субъекты хозяйствования реально заниматься сокращением производственных затрат, подвигало их к экономному расходованию материальных и трудовых ресурсов. Другим важным шагом в оздоровлении финансов стала денежная реформа. Она носила конфискационный характер, так что ее издержки легли на плечи населения. Но был и положительный эффект. Достижение равновесия между денежной и товарной массой повысило материальную заинтересованность работников и стимулировало рост производительности труда.

Вместе с тем, очевидные успехи сопровождались нарастанием диспропорций в экономическом развитии. В их основе лежали свойственные советской модели производства слабые места: трудности в оценке затрат и выгод в экономических расчетах, «мягкие» бюджетные ограничения при административном распределении ресурсов, отсутствие внутренних стимулов к повышению качества продукции, к внедрению технических и управленческих новаций. И их негативное воздействие росло по мере увеличения масштабов и усложнения структуры производства. Но воспринимались они как «трудности роста», с которыми можно и нужно бороться путем организационно-административных «усовершенствований». Однако подобные меры имели лишь частичный успех. В частности никак не удавалось ограничить проявление негативных моментов в деятельности хозяйственных ведомств. В сталинской экономике они играли ведущую роль в организации производства. Пользуясь этим, промышленные министерства стремились снизить напряженность своих планов, а с другой — «выбить» дополнительные ресурсы. Чем больше их

удавалось получить, тем прочнее были позиции руководства конкретного ведомства во властной иерархии. В результате появлялись экономически необоснованные производственные программы и инфраструктурные проекты, росли объемы незавершенного строительства и т. д. Это подрывало сбалансированность бюджетно-финансовой системы, оборачивалось «сбоями» в материально-техническом снабжении, отодвигало в неопределенное будущее решение многих, действительно важных экономических и социальных задач.

Особенно широкими возможностями для отстаивания своих частных интересов располагали военно-промышленные ведомства. В условиях ожесточенной «холодной войны» развитию оборонной промышленности отдавался безусловный приоритет. Высшие органы государственной власти пытались жестко контролировать обоснованность ее запросов на ресурсы. На практике, однако, это плохо получалось. Ситуацию усугубляла растущая несогласованность военной стратегии с реальными потребностями обороны страны. По авторитетному свидетельству маршала Советского Союза А. А. Гречко, в 1945–1953 гг. основой могущества Советской Армии и Флота считались «обычные виды оружия и боевой техники, которые применялись в войне против Германии» [10, с. 5]. Они должны были гарантировать Советскому Союзу превосходство над «вероятным противником» на евроазиатских театрах военных действий. В соответствии с этой установкой основное внимание уделялось наращиванию возможностей сухопутных войск и тактической авиации. Для повышения их боевых возможностей реализовывались крупные программы производства оружия и боевой техники. Одновременно предпринимались весьма затратные меры по усилению Военно-морского флота, по его преобразованию из прибрежного в океанский. Масштабные поставки и освоение войсками обычных видов вооружения обернулись стремительным ростом военных расходов. За пять лет, начиная с 1947 г. бюджет предшественников Министерства обороны увеличился почти в два раза. Еще более высокими темпами росли затраты на разработку и производство боевой техники, проходившие по сметам военно-промышленных министерств [11, с. 118, 119].

Однако традиционные виды и рода войск уже не могли обеспечить желаемого уровня обороноспособности страны.

Военно-техническая революция принципиально изменила стратегическую ситуацию. Главную угрозу теперь стали представлять ядерные ударные силы США. И только обладание таким же оружием могло гарантировать Советскому Союзу хотя бы паритет в военной мощи со своими «вероятными противниками». Так создание атомных, а затем водородных зарядов превратилось для высшего руководства страны в «задачу номер один». На ее решение были направлены огромные ресурсы. Соответствующие затраты относились на «специальные расходы», объем которых определялся по «фактической потребности» и удовлетворялся «независимо от степени обеспечения... других нужд народного хозяйства».¹ С начала 1950-х гг. аналогичный порядок стал использоваться при разработке и производстве средств доставки ядерных боезарядов, радиоэлектронного вооружения. Одновременно, в полном объеме сохранялись планы наращивания обычных вооружений. Такая политика оборачивалась устойчивым недофинансированием «гражданских» отраслей промышленности социальной инфраструктуры, обескровливанием аграрного сектора, «сжатием» потребительского спроса, и, в конечном счете, консервацией крайне низкого уровня жизни населения. Это угрожало непредсказуемыми для режима последствиями. Не случайно постсталинское руководство сразу же определилось с необходимостью перемен в экономической политике.

Сначала были «заморожены» затратные «великие стройки коммунизма», увеличены капиталовложения в легкую промышленность, повышены закупочные цены и снижены налоги в сельском хозяйстве. Затем увеличили оплату труда ряду категорий работников и развернули массовое жилищное строительство. Необходимые для этого ресурсы рассчитывали получить путем ускорения научно-технического прогресса и «совершенствования» системы управления промышленностью. Особые надежды связывались со снижением оборонной нагрузки на экономику за счет пересмотра базовых принципов военной стратегии и соответствующего сокращения численности армии. Но видимо проблема «и пушки, и масло» не имела решения в рамках «социалистической системы хозяйствования». В последние годы «хрущевского десятилетия» вновь обозначился опережающий рост

¹ Атомный проект. Документы и материалы: в 3 т. М.; Саров, 2000. Т. 2: Атомная бомба. 1945–1954, кн. 2. С. 207, 208.

военных расходов. И это стало одной из главных причин обострения трудностей в экономическом развитии.

Библиографический список

1. Berliner J. S. *Soviet industry from Stalin to Gorbachev: Essays on management and innovation*. Ithaca; New York, 1988.
2. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996.
3. *The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev*. New York, 2000.
4. Попов В. П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000.
5. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение «сверхдержавы»: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001.
6. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002.
7. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.
8. Ханин Г. И. Экономическая история Россия в новейшее время: в 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 г.
9. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М., 2014.
10. Ядерный век и война. Военные обозрения. М., 1964.
11. Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России: в 2 т. М., 2010. Т. 1: Советская военная мощь.

Eugeny T. Artemov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: iaa-history@mail.ru

From Stalin to Khrushchev: the economic policy change background

The paper studies the background of the reforms initiatives proposed by the post-Stalin leadership in the economic sphere. A particular attention is paid to the role of the military-strategic factor in the economic policy priorities change. The author observes that the intended purpose of the implemented measures was a greater emphasis on the social dimension of the economy. However, this problem could not be solved within the “socialist economic system” structure.

Keywords: economic policy, Stalinist economy, military-strategic priorities, nuclear project, new economic course